

СЛОВО РЕДАКТОРА

В.В. Козловский

ОПРАВДАНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО СУЖДЕНИЯ

Выпуск очередного первого номера третьего годового тома журнала заставляет вновь и вновь обратиться к весьма непростому вопросу о смысле существования социологии как все разрастающегося круга профессиональной деятельности и как разновидности творчества. Замысел нашего периодического издания основывается на убеждении в необходимости непрерывного живого общения коллег по ремеслу, пробуждения критического духа социальной науки, понимания повседневности.

Ценность социологии и ее процветание возможны лишь на пути постоянного аналитического и практического вмешательства в рутину реальных процессов. Мне представляется, что обсуждение проблем внутреннего и внешнего развития социального и гуманитарного знания чрезвычайно важно для оправдания социологии как способа понимания обществом самого себя и способа обнаружения индивидуального человеческого начала в глобальных сетях нового социального и политического порядка. Конкретная социальная и персональная идентичность — вот вечный предмет духовных и практических исканий социолога, социального антрополога и представителей всех социогуманитарных направлений. Одним словом, профессиональная ответственность социолога состоит в исследовании постоянно меняющегося «современного», с его точки зрения, общества и в научном отражении характеризующих его типов идентичности.

Мыслить социологически — значит мыслить парадоксально. Парадокс состоит, с одной стороны, в конфронтации социологического суждения со здравым смыслом, или доксой, по выражению П. Бурдьё. Опора на обыденное представление закрепляет накопленный опыт и рутину повседневной жизни, не позволяя вносить новации. С другой стороны — внутри социологического знания наблюдается рост противоречий, ведущих к утрате доверия к социологу. Корпус социологии разрывают антитезы. Они подтачивают уверенность наблюдателя и мыслящего общества ученого не только в истинности, но даже в правомерности социологических суждений. Свойственные традиционному социальному познанию противоречия получили так называемую неклассическую форму, которую можно было бы определить как парадоксальную. Именно поэтому приходится говорить о достоверности и оправданности социологического знания в тот момент, когда авторитет социологии казался бы непоколебим.

Возникло широкое движение критики социальных наук, т.е. критики социологического суждения, воплотившееся, например, в критической социальной теории или постмодернистской перспективе. Социальное знание обнаружило себя в форме критики реальных социальных, политических и экономических институтов. В действительности кризисное состояние европейского и американского обществ в первой половине XX столетия неизбежно толкало к переосмыслению неведомой ранее ситуации исторически ускорившейся тотальной

трансформации социокультурных систем. Диагноз стремительно бегущего времени оказался многозначным до неузнаваемости, художественно красочным и до удивления непохожим на скучную реальность. Яркие концепты в духе М. Вебера, К. Мангейма, Т. Парсонса, П. Сорокина, М. Мосса создали ощущение полноты знания о непрерывно меняющихся и в то же время сохраняющихся обществах, казавшихся вненациональными.

Классическая социологическая мысль уверовала в непоколебимость своих находок, и даже рост критицизма в социальных исследованиях не мог ослабить монументальной силы социологического суждения. Между тем процесс *отрыва социологии* от проблем реально живущих людей, от социальных, политических катастроф, локальных войн, экономических потрясений, религиозного и националистического фундаментализма, экологических сдвигов все углублялся. Отчуждение количественно увеличивающегося социального знания вело и ведет к попыткам преодолеть сложившуюся ситуацию за счет методологических трансформаций, например, за счет применения качественных методов. Рост критического социального знания порождал иллюзию возврата утрачивающейся осмысленности жизни. На деле позитивистские установки превратились в ряд новейших конструкций, проектирующих современность либо на основе «социального действия», либо на основе «критической мысли», либо на основе «ценностно-нормативного консенсуса», либо на основе «институционального воздействия», либо на основе «коммуникативной релевантности». Теоретическое многообразие неожиданным образом привело к методологическому тупику.

Это и определяет положение современной социологии, которое иначе как критическим и парадоксальным не назовешь. Некоторые из парадоксов и коллизий современного социологического дискурса поучительны.

Первый из них известен давно. Он состоит в экспоненциальном росте массива социального знания и пропорциональном уменьшении объяснительной силы этого знания. Это *эпистемологический парадокс*, характеризующий снижение эвристического потенциала социологического мышления. Систематизация накапливающегося социального знания помогает создать лишь удобные для учебных целей и популяризации новейших идей рубрики. При этом усложняются способы исследования и интерпретации социальных фактов. Исследовательские процедуры становятся все более изощренными, но полученное знание не отличается оригинальностью и потому только воспроизводит схему социологического мышления, а не развивает его.

Второй парадокс — нарастающая *автономизация и даже изоляция* социологических концепций и, соответственно, социологов, которая редуцируется до доктринерства или догматического исповедания социологической веры. Сегментация теоретического и эмпирического социального знания характеризует не столько качественное изменение, сколько демаркацию и укрепление возводимых искусственных границ, на преодоление которых опять-таки требуется немало усилий. Это *парадокс фрагментации* удаляющегося социологического горизонта. Он подобен лабиринту с множеством квазиобщих концепций, которые служат ловушками в форме удобных социологических ниш. С одной стороны, выход видится в создании метатеории, которая включила бы имеющиеся теории в качестве компонент, либо в отказе от всякого рода всеобщих теорий, чтобы не загонять исследователя в западню очередной спасительной концеп-

ции. С другой — в акцентировании инструментального аспекта разрабатываемых концепций, с целью избежать превращения их во всеобщие объяснительные идеологемы. Концептуальная полифония социологии не исключается, но эффективность этих концепций проверяется исключительно инструментально.

Третий парадокс сводится к конфликту сконструированной социологами реальности и фактуального социального мира. Это дилемма *социологического конструктивизма*. Социальные конструкты заполняют пространство человеческих связей, подменяя, таким образом, естественный порядок вещей. Множественность жизненных миров дополняется искусственностью формируемого социального пространства. Сеть реальных контактов, сложность социальной дифференциации, уникальность персонального мира коррелирует с простотой социологического объяснения, ибо они принципиально конструируемы. Человеческое знание отражает, скорее, стихийно складывающуюся социальную реальность, конструкты же социолога разительно отличаются от непосредственно создаваемых социальными агентами (индивидами, общностями, элитами и др.) моделей действия и общественных конвенций. Иными словами, социологическая конструкция реальности претендует на роль аналога реальных схем человеческого действия. Расхождение реальности и социологических конструкций определяется степенью развития конкретных культур и обществ. Неожиданные повороты в политике, культуре, социальных практиках объявляются зачастую недостатками самой реальности, ущербностью людей, а не изъянами объясняющих их моделей или социальных проектов. Собственно, этот парадокс является следствием преувеличения социально-проективной функции социологии, состоящей в обслуживании власти, административных органов и групп интересов. Функциональное назначение социологии меняется. В постиндустриальном и тем более информационном обществе, где начинают доминировать глобальные процессы и рождается виртуальный мир, социологии приходится заниматься интерпретацией возникающих альтернатив, а не конструированием социальной реальности. Тренд социологии смещается в русло сравнительных исследований, кросс-культурного анализа. В целом, социальное знание антропологизируется.

Конфронтация теоретико-эмпирического знания и рецептурных рекомендаций прикладного типа характеризует четвертый вид, который может быть назван парадоксом *социологической дифференцированной компетентности*. Теоретик противостоит полевому исследователю и оба вместе противостоят пользователю социальных технологий, т.е. проективного инженерного социального знания. Разрыв между ними закрепляется институционально. Есть академическая наука, есть оторванное от практических нужд общества социологическое образование. Есть учреждения, добывающие эмпирические данные, текущую полевую информацию, проводящие мониторинги т.п. и, наконец, есть организации, специализирующиеся в области связей с общественностью, социальной коммуникации, рекламы, маркетинга, имиджмейкерства, выборных кампаний, социального и политического проектирования, тренингов и др. Разделение труда в социальных науках и технологиях ведет к обострению отношений между представителями названных категорий. Обвинение друг друга в узкой компетентности, а то и в дилетантстве — это самое мягкое выражение разногласий между ними. Эти группы соперничают друг с другом на рынке исследо-

вательских, рекламных и маркетинговых услуг. Формируются особые сегменты рынка научных, образовательных, информационных и прикладных социологических услуг, где важным оказывается уровень компетентности специалистов разных групп, который удовлетворяет соответствующий спрос на эти услуги. На каждом уровне образуется достаточно замкнутая среда, тормозящая взаимное обогащение знаниями и технологиями. Производство и потребление социальной информации регулируется не внутринаучными критериями, а сугубо внешними. Нередко предлагается прямой социальной или политической заказ. Но чаще всего социологические службы и учреждения формулируют этот запрос возможным клиентам и продают свой информационный продукт, так же как и любые другие производители товаров. Иными словами, социологическая компетентность, если она получила надлежащий товарный вид, нашла свое место на рынке информационных услуг, возвращается их владельцам грантами, субсидиями, прямой оплатой предложенных данных. Таким образом, дробление спектра социологических услуг означает создание дифференцированно денежно и статусно оплачиваемой социологической компетентности. Социология становится коммерческим предприятием, хотя традиционно ее основная роль состоит в саморефлексии общества и обнаружении социальной и персональной идентичности.

Наконец, вытекающий из предыдущего пятый парадокс представляет собой дилемму социального контекста и социологического текста. Это парадокс *переводимости* социологического текста в реальную практику образования, политики, экономики, социальной сферы. Иными словами, социология в российском обществе воспринимается слишком осторожно и даже с недоверием. Социальные ученые и практики, стремясь включить результаты своих проектов в структуру общественного потребления и воспроизводства, вынуждены действовать через разные социальные институты, и прежде всего, через властные и экономические структуры. Они ведут себя рыночным образом, предлагая свои услуги обществу, но при этом в силу специфики общественных проблем, которые составляют поле их деятельности, они создают самостоятельные социологические тексты. Полученная ими социальная информация отражает как суть происходящего в каждом локальном участке общества, так и работает на заказчика. Отмечаемая повсеместно ангажированность ученых и практиков в области социально-информационных услуг толкает к политизации и идеологизации, т. е. к утрате академической нейтральности, которая обеспечивает хоть какую-то видимость научной объективности. Настороженное отношение публики к социальному знанию, которое, по существу, должно достоверно отражать ее собственную жизнь, оказывается оправданным, поскольку социологические тексты либо банальны, либо грешат полной неузнаваемостью, либо слишком субъективны. Доверие к социологическому тексту колеблется в зависимости от включенности потребителя текста в семантический контекст и среду, в которых творят социальные ученые.

Преодолению выделенных парадоксов и коллизий могут и должны способствовать разного рода информационные сети, электронные и традиционные средства информации, периодические издания, каким является наш «Журнал социологии и социальной антропологии». В 1999 г. вышло четыре номера и специальный выпуск «Современная французская социология». В условиях не-

стабильного финансирования журнала и непрочного положения наших ученых, полагаю, регулярный выход номеров является огромным достижением. Без кропотливой объемной работы всех членов редколлегии и редакционного совета, сотрудников выпуск журнала был бы невозможен. Мне хотелось бы поблагодарить их всех без исключения за активное участие и выразить надежду, что наступивший год будет еще более продуктивным. У нас большие планы. Кроме четырех номеров предусмотрено выпустить спецвыпуск в двух частях «Современная немецкая социология», ряд приложений к журналу.

27-30 сентября 2000 г. в России проводится Первый социологический конгресс. Очевидно, он может и должен послужить обсуждению названных выше проблем. Уверен, непосредственный обмен мнениями на этом форуме подтолкнет российских социологов независимо от их теоретической принадлежности к открытой оценке нынешнего состояния социального знания, социологической науки и образования, связей с практическими запросами. Это шанс преодолеть общий провинциализм в теоретических поисках, отставание в разработке методологии и методических средств, хаотичность в развитии сети социологических учреждений.

Наш журнал приступает к освещению наиболее острых проблем социологии и российского общества. В частности, в этом номере конгрессу посвящается рубрика «Социология власти». Мы хотели привлечь в освещению всей панорамы животрепещущих социальных вопросов и другие издания. Предполагается, что материалы будущей социологической дискуссии на конгрессе будут своевременно выставлены в Интернет. И профессионалам, и просто интересующимся необходим простой доступ к научным результатам, чтобы они могли сами оценить уровень современной социальной и гуманитарной науки в России.

Надеюсь, что в 2000 г. «Журналу социологии и социальной антропологии» удастся не только привлечь внимание к большим темам развития как самой социологии, так и активно вовлечь российских и зарубежных социальных ученых в разрешение злободневных проблем современных обществ.

Оправдание и польза социологии состоит не столько в абстрактном служении обществу и, конечно, не в обслуживании частных, групповых интересов, сколько в создании новых социальных и культурных сетей новой социогуманитарной среды, новой солидарности и партнерства в многоликом мировом сообществе.